

190261

ПЕТРЪ ВИТЯЗЕВЪ

(Ф. И. Съденко).

Наши Педагоги.

(Свѣтлой памяти жертвъ школьнаго режима).

Издание Комитета Союза Учащихся г. Вологды.

ВОЛОГДА,
Типографія „Посредникъ“ Я. В. Бирина.
1918 г.

НАШИ ПЕДАГОГИ.

(Свѣтлой памяти жертвъ школьнаго режима).

В ~~О~~ ГДА,

Типографія „Посредникъ“ Я. В. Бириня.

1918 года.

НАШИ ПЕДАГОГИ.

(Свѣтлой памяти жертвъ школьнаго режима)

Свершилось, наконецъ, то, о чемъ такъ долго мечтало все русское общество — наша средняя школа стала свободной. Русская революція своей властной рукой освободила дѣтей и разбила стѣны „дѣтскихъ темницъ“, въ которыхъ томились цѣлыя поколѣнія царской Россіи. Самое важное, самое цѣнное и самое дорогое, что есть въ нашей жизни — судьба подрастающихъ поколѣній перешла, наконецъ, въ руки русскаго общества. Отнынѣ только оно является хозяиномъ и творцомъ своей будущей жизни, по скольку наша будущность сокрыта въ нашихъ дѣтяхъ.

Всякая революція есть прежде всего *творчество*. И нигдѣ, кажется, этотъ творческій порывъ русской революціи не казался, съ такой яркостью и силой, какъ на нашей средней школѣ. Это — наиболѣе творческая сторона нашей революціи, ибо, освобождая дѣтей отъ гнета и калѣченія, она тѣмъ самымъ открываетъ страницы новой жизни со здоровымъ и красивымъ поколѣніемъ. Именно здѣсь она и кладетъ первые камни на фундаментъ Свободной Россіи. Гдѣ какъ не въ дѣтяхъ сокрыто все величіе, вся будущность нашей родины? О каждомъ народѣ можно смѣло сказать — „покажи мнѣ твоихъ дѣтей, и я скажу, кто ты“.

Въ исторіи всѣхъ народовъ революція неизмѣнно играла роль *хирурга*. На ея долю выпадала одна задача — смѣлымъ разрѣзомъ вывести всякій историческій организмъ на путь здороваго нормальнаго

развитія. Такая „операція“ и происходитъ сейчасъ предъ нашими глазами во всѣхъ сторонахъ русской жизни.

Острый ножъ нашей революціи однимъ взмахомъ вскрыль тотъ злокачественный нарывъ, иаковымъ являлась наша средняя школа на фонѣ русской жизни. Этотъ нарывъ мы, русскіе, таили въ своей груди не одно десятилѣтіе, и онъ рано или поздно, а долженъ былъ вскрыться.

Теперь все русское общество занято леченіемъ этой злокачественной раны. Передъ всѣми друзьями юности стоятъ сейчасъ вопросы о путяхъ обновленія школы. Идетъ коренной пересмотръ всѣхъ программъ, всей системы нашей средней школы, и снѣжно строится ея новое зданіе.

Я подойду къ этому вопросу нѣсколько съ иной стороны, чѣмъ это принято, и все свое вниманіе сосредоточу исключительно на нашихъ педагогахъ. Вѣдь, жизнь каждой школы собственно есть непрерывный обмѣнъ, своего рода эндосмосъ между двумя мірами педагогическимъ и дѣтскимъ. Мнѣ кажется, что „леченіе раны“ будетъ довольно длительнымъ, такъ какъ слишкомъ много гною было въ „нарывѣ“ и слишкомъ злокачественнымъ былъ самъ нарывъ.

Вопросъ о педагогахъ слишкомъ больной и острый для нашей школы. Вѣдь, не надо забывать, что именно педагогъ и есть двигатель школы, ея творецъ, отъ котораго всецѣло зависятъ судьбы дѣтей. Педагогическій міръ это есть какъ бы *посредникъ* между всей русской жизнью и дѣтьми. Отъ него, и только отъ него зависитъ, что *отобрать* изъ этой жизни, что выдѣлить, что отбросить и съ чѣмъ бороться. Процессъ *всасыванія жизни* подрастающими поколѣніями идетъ главнымъ образомъ черезъ педагога.

Теперь я спрощу—стоитъ ли большинство

наших педагоговъ на должной высотѣ? Смогутъ ли они *сейчасъ* дать то, что потребуютъ отъ нихъ: дѣти, потребуеъ *новая жизнь*? Подготовлены ли они сами къ этой роли?

Вѣдь, какъ бы ни былъ силенъ творческій духъ русской революціи, онъ можетъ воплотить въ жизнь лишь только то, что уже *подготовлено* предыдущимъ эволюціоннымъ процессомъ. Противопоставлять революціонный моментъ эволюціонному процессу немислимо, такъ какъ всякая революція есть только *часть эволюціи* и всецѣло опредѣляется ея элементами, слагающимися въ историческомъ процессѣ, въ которомъ моменты недавняго прошлаго являются слагаемыми весьма и весьма существенными и значительными.

Вотъ почему я не могу вѣрить въ *внезапное* перерожденіе всѣхъ педагоговъ нашей школы. Педагогическій міръ въ настоящій моментъ представляетъ изъ себя своеобразную амальгаму гдѣ соединяются люди разныхъ поколѣній, взглядовъ, традицій и навыковъ. И именно здѣсь элементы прошлаго играютъ немаловажную роль. Въ силу этого, воспріятіе новой жизни у нашихъ педагоговъ не можетъ быть *однороднымъ*, а отсюда и рефлексъ на нынѣшнее поколѣніе дѣтей будетъ носить разнородный, смѣшанный характеръ „Передаточный аппаратъ“ въ лицѣ нашихъ педагоговъ далеко еще не налаженъ и не совершенъ, чтобы быстро и легко *отражать* въ себѣ всѣ запросы и велѣнія новой жизни.

Какой же выходъ для нашей школы изъ этого положенія? Рѣшать вопросъ механически путемъ удаленія части педагоговъ, какъ думаютъ нѣкоторые, немислимо, такъ какъ это значить лишиться громаднаго количества *спеціалистовъ и техниковъ* своего дѣла. Дѣлать это тѣмъ болѣе нельзя, что сейчасъ нѣтъ въ наличности достаточнаго контингента педагоговъ новой формаци. Остается единственный *выходъ*

начать обновленіе средней школы съ имѣющейся въ наличности педагогической средою. Это обстоятельство и выдвигаетъ передъ нами проблему объ *оздоровленіи* или *перевоспитаніи* громаднаго большинства нашего педагогическаго міра. Я глубоко убѣжденъ, что процессъ обновленія средней школы съ именно этой стороны и встрѣтитъ наибольшія препятствія.

Вѣдь, не надо забывать, что почти весь нашъ педагогическій міръ воспитывался и вырабатывался въ нѣдрахъ *старой* школы, на которой лежитъ еще до сихъ поръ печать толстовской системы. Всѣ ея традиціи и навыки вошли въ плоть и кровь педагога, въ его психику. Правда, послѣ 1905 г. въ нашу школу ворвалась свѣжая струя жизни, но она быстро заглохла подъ дуновеніемъ послѣдующей реакціи. Старая система вновь воцарилась тамъ. Типъ „новаго педагога“ въ настоящемъ смыслѣ слова въ *массѣ* еще не выработался. Это отдѣльныя единицы, а большинство нашихъ педагоговъ живетъ до сихъ поръ по традиціямъ стараго времени и старой системы...

Теперь я васъ спрошу: какимъ же образомъ этотъ старый міръ съ его своеобразной психологіей будетъ уживаться въ новой школѣ? Вотъ почему я ничуть не сомнѣваюсь, что русскому обществу придется не разъ сталкиваться съ этимъ міромъ на почвѣ непониманія имъ задачъ новой школы. Дѣятельность родительскихъ комитетовъ въ недавнемъ прошломъ даетъ для этого богатый матеріаль... А между тѣмъ, отъ педагога во многомъ зависитъ жизнь ребенка: все его воспитаніе и образованіе... Вотъ почему я не жду быстраго обновленія нашей средней школы. Оно произойдетъ только съ *постепеннымъ* оздоровленіемъ и измѣненіемъ всей педагогической среды. А процессъ этотъ будетъ носить нѣсколько *затяжной* характеръ. Съ теченіемъ времени велѣнія здоровой жизни, конечно, одержать верхъ, но въ настоящій моментъ я на этотъ счетъ не питаю никакихъ оптимистическихъ надеждъ...

Я слишком хорошо знаю наш педагогический миръ, что быть оптимистомъ. Посмотрите внимательно на педагоговъ современной средней школы, и вы увидите, что это типичные чиновники, механически исполняющіе свои обязанности. Громадное большинство изъ нихъ поступало съ учениками, какъ съ входящими и исходящими бумагами... Кто изъ нихъ дѣйствительно любилъ дѣтей? Кто изъ нихъ работалъ по призванію? Это — ничтожное меньшинство. Въ массѣ же своей они невольно поражали васъ своимъ бездушіемъ и формализмомъ. Вся педагогическая корпорація жила до сихъ поръ какой-то *замкнутой* жизнью отъ общества. Педагоги какъ-то отстранялись или, вѣрнѣе, ихъ отстраняли отъ всякой живой общественной работы. Вся жизнь ихъ протекала въ стѣнахъ школы, гдѣ на каждомъ шагу подавлялась всякая инициатива, всякое личное творчество въ дѣлѣ преподаванія. Со стороны высшаго начальства отъ педагога только требовали подчиненія и аккуратнаго исполненія циркуляровъ. Холодное, чисто официальное отношеніе—вотъ что встрѣчалъ педагогъ. Чтожъ мудренаго послѣ этого, если онъ и къ дѣтямъ начиналъ относиться холодно и официально? Такова уже была система всей нашей школы...

Вы помните чеховскаго „человѣка въ футлярѣ“? Вы скажете — это анекдотъ, шаржъ?.. А я скажу, что это тотъ *предѣлъ*, къ которому постепенно приближался педагогъ нашей прежней средней школы. Личныя дарованія и запросы педагога, *не находя* точки приложенія, гибли, исчезали. Онъ начиналъ ко всему относиться чисто механически. Окружающая среда постепенно засасывала его, и черезъ нѣкоторое время мы имѣли предъ собой не живого человѣка, а бездушнаго чиновника, съ цѣлымъ рядомъ нѣкоторыхъ странностей... Вспомните, какъ у В. Корбленко въ „Исторіи моего современника“ педагогъ русскаго языка г. Авдѣевъ въ началѣ второго учебнаго года просить учениковъ останавливать его, если онъ будетъ повторяться.

Вы видите, что этотъ единственно живой человѣкъ чувствуетъ, какъ постепенно начинаетъ засасывать его гимназія, и онъ не хочетъ сразу этому поддаваться, ибо пока еще молодъ... Но увы!.. Года сдѣлаютъ свое дѣло, и онъ все равно незамѣтно для самого себя очутится въ „футлярѣ“... „Лѣтъ черезъ десять буду жарить слово въ слово, — признается ученикамъ Авдіевъ. Ахъ господа, господа! Вы вотъ смѣетесь надъ нами и не понимаете, какая это въ сущности трагедія. Сначала все такъ живо! Самъ еще, учишься, ищешь новой мысли, яркаго выраженія... А тамъ годъ за годомъ, — застываешь, стливаешься въ форму“. Въ этихъ немногихъ словахъ переданъ весь трагизмъ педагога нашей средней школы. „Мы, — говоритъ другой товарищъ Авдіева, — три года мучимся, три года учимся, три года учимъ, три года мучимъ, а тамъ хоть къ чорту“.

Какъ видите, перспектива не изъ завидныхъ. Педагога ждалъ или „чеховскій футляръ“, или по мѣткому выраженію Короленко, онъ „превращался въ *лучшею* случай въ фонографъ, среднимъ голосомъ и съ среднимъ успѣхомъ перекачивающій свѣдѣнія изъ учебниковъ въ головы“. Теперь я васъ спрошу — развѣ такой педагогъ въ видѣ бездушнаго „фонографа“ смогъ вызвать у учениковъ любовь къ проходимымъ наукамъ? Развѣ смогъ онъ заинтересовать дѣтей, пробудить въ нихъ индивидуальныя запросы и дать имъ дальнѣйшее развитіе? Чтожъ мудренаго послѣ этого, если мы встрѣчали у нашихъ дѣтей полную апатію къ школѣ и къ проходимымъ въ ней предметамъ?!

У того же Короленко вы найдете яркіе примѣры по части чудеснаго превращенія живого человѣка въ бездушнаго чиновника. Вспомните хотя бы фигуру веселаго добродушнаго француза Гюгенета, превратившагося черезъ нѣсколько лѣтъ въ холоднаго педагога въ синемъ мундирѣ съ блестящими пуговицами, или симпатичнаго словесника Балмашев-

скаго, ставшаго строгимъ исполнительнымъ директоромъ, вызывающимъ только одну ненависть родителей и учащихся. Возстановите, наконецъ, въ своей памяти галерею педагоговъ, выведенныхъ г. г. Никоновымъ, А. Яблоновскимъ и В. Короленко. Много здѣсь живыхъ людей? Развѣ васъ не поразятъ всѣ тѣ странности и ненормальности, которыя проглядываютъ въ каждомъ изъ нихъ? Вѣдь большинство этихъ типовъ форменные маніаки съ уродливой, исковерканной психикой. Какъ видно, наша школа накладывала свою особую печать не только на учащихся, но и на педагоговъ... Это—палка о двухъ концахъ, которая была не только учащихся, но и въ первую годову самихъ педагоговъ. Весь режимъ школы, основанный на полномъ обезличеніи и подавленіи индивидуальности, былъ одинаково чувствителенъ для обѣихъ сторонъ. Развѣ сможетъ сохранить живой человѣческій обликъ тотъ, кто въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ служилъ дѣлу обезличиванія дѣтей, кто являлся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія?

Давно всѣмъ извѣстно, что однообразіе, скудность впечатлѣній, ихъ безконечная повторяемость страшно притупляютъ психику челоуѣка. Она уродуется, проявляетъ признаки аномальной автоматичности, въ концѣ концовъ, обладатель ея переходитъ въ ряды душевно-больныхъ, которыхъ надо лечить. Теперь обратите свои взоры къ педагогу, десятки лѣтъ дѣлающему одно и то же дѣло, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Даже въ самой нормальной школѣ и то это должно наложить на такого челоуѣка свой особый отпечатокъ. А что сказать о нашей недавней школѣ съ ея рутинной и полнымъ отсутствіемъ инициативы и творчества? Трудно даже себѣ представить, до какихъ предѣловъ здѣсь доходилъ этотъ автоматизмъ!

гипнотизирующаго вліянія автоматизма, взятыхъ у Короленко. Географъ Самаревичъ изъ года въ годъ брался за металлическія дверныя ручки не иначе, какъ сдвинувъ рукавъ и покрывъ сукномъ ладонь, На кафедрѣ онъ *всегда* останавливался въ одной и той же позѣ Французъ Лемпи, учительствующій 40 лѣтъ страдалъ маніей разказовъ, и стоило его „завести, и урокъ пропадалъ, чѣмъ, прекрасно и пользовались наблюдательные гимназисты. Характернѣе всего то, что расказы были *всегда* одни и тѣ же которые онъ повторялъ десятки лѣтъ. Словесникъ Егоровъ выработалъ привычку опираться животомъ на парту. Зная это, ученики всегда смазывали ее мѣломъ. Отвѣчать ему надо было монотонно, быстро и безъ запинокъ, хотя бы полную безсмыслицу... Въ это время онъ любилъ сидѣть, закрывъ глаза. Другой словесникъ Андріевскій помѣшался на „Словѣ о полку Игоревѣ“. Нѣмецъ Лотоцкій отъ дѣри до кафедры *всегда* дѣлалъ опредѣленное количество шаговъ, на порогъ класса становился *всегда* одной и той же ногой, на кафедрѣ появлялся въ одной и той же позѣ... Въ довершеніе всего, у него было одно гипнотизирующее слово „желто-красный попугай“. Классъ склонялъ это слово хоромъ, доходилъ до безумства, кричалъ, пѣлъ, а Лотоцкій ничего этого не видѣлъ и не слышалъ: такова власть отупляющей рутины и рокового автоматизма. Въ концѣ концовъ, этотъ злосчастный попугай и погубилъ всю карьеру Лотоцкаго, и онъ былъ принужденъ бросить службу... „Кто учтетъ вліяніе этой роковой автоматической птицы на жизнь и судьбы поколѣній, проходящихъ строй за строемъ черезъ наши среднія школы?“—съ горечью спрашиваетъ В. Короленко своихъ читателей... И не думайте, что герои, выведенные у Короленко, являются случайностью или карриатурой. Это— *общее явленіе* для нашей прежней школы, отмѣченное и художественной литературой, изображающей ея жизнь, и воспоминаніями бывшихъ питомцевъ средне-учебныхъ заведеній.

Мертвящая атмосфера нашей школы приводила къ тому, что лучшіе педагоги уходили изъ нея, а оставшіеся постепенно превращались въ чиновниковъ или людей въ „ футляръ“. Въ силу этого получался любопытный *отборъ* людей, именующихся педагогами. Это былъ какой-то *особый міръ*, съ особыми интересами, особой психикой, совершенно непонятной широкому обществу. Характерной особенностью это міра являлось отсутствіе живой мысли, живого дѣла и даже боязнь всякой жизни съ ея новшествомъ и шумомъ. Это царство затхлости, педантизма, рутины, формализма, официальнойности и мертвячины...

Теперь возьмите жизнерадостнаго ребенка, являющагося живымъ воплощеніемъ жизни, и противопоставьте его нашему педагогу. Развѣ васъ не поразитъ эта картина? Съ одной стороны, веселье, рѣзвость, сердечность, любовь, хрупкая и нѣжная душа, опьяняющаяся жизнью, а съ другой, сухость, неподвижность, формализмъ, безсердечіе, полная оторванность отъ жизни. Сопоставьте эти два міра, и вы сразу поймете, какую трагедію переживала наша средняя школа. Въдѣ, эти два міра никогда не поймутъ другъ друга!.. Но ужаснѣе всего то, что наши дѣти—эти носители будущей жизни, всецѣло отдавались раньше во власть педагоговъ... Это была какая-то злая шутка русской жизни! Безжизненные люди готовили къ будущей жизни дѣтей. И въ результатѣ получалась не подготовка, а сплошная трагедія и калѣченіе подрастающихъ поколѣній.

Теперь я спрошу васъ—способны ли были педагоги понять дѣтскую душу ребенка? Способны ли были они съ доброй любящей улыбкой заглянуть въ нее? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Наши педагоги не любили веселаго дѣтскаго смѣха, не любили дѣтской наивности, откровенности или шалости и строго карали всякое проявленіе живой непосредственной жизни. Съ точки зрѣнія правилъ,

циркуляровъ и различныхъ предписаній имъ были непонятны проявленія дѣтской рѣзвости и шалости... Они не знали той простой вещи, что современная педагогика смотритъ на періодъ дѣтства и юности, какъ на *время опьянѣнія* жизнью. А вѣдь всѣмъ извѣстно, что даже взрослый человѣкъ, дѣйствующій въ періодъ опьянѣнія, т.е. невмѣняемости, въ значительной степени ненаказуемъ. Что же сказать о ребенкѣ, который отъ избытка молодости и ощущенія жизни не знаетъ, что сдѣлать, какую шалость предпринять? Неужели его нужно было только карать и наказывать, а не дать *выходъ* его юности?

Вы видите на какихъ противоположныхъ полюсахъ находились наши педагоги и учащіеся. Здѣсь не могло быть ни взаимнаго пониманія, ни любви, ни уваженія, ни духовной близости. Два оторванныхъ другъ отъ друга, міра, враждебныхъ по своей природѣ—вотъ что представляли собой въ современной школѣ педагоги и ученики. Развѣ можно было при такихъ условіяхъ говорить о задачахъ нормальнаго образованія и воспитанія?

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Выходъ только одинъ—надо дать полную свободу школѣ, дѣтямъ и педагогамъ. Это уже и сдѣлано русской революціей. Теперь передъ нами другая задача—какъ оздоровить педагогическую среду. Какъ избѣгнуть той роковой болѣзни „автоматизма“, которой страдали педагоги нашей средней школы. Противъ автоматизма, который неизмѣнно связанъ съ профессиональными обязанностями педагога, единственнымъ средствомъ является *обостреніе индивидуальности* педагога. Это достигается прежде всего *свободой* въ дѣлѣ преподаванія. Необходимо дать педагогу какъ можно больше *независимости* и самостоятельности. Надо, чтобы педагогъ проявлялъ въ своемъ дѣлѣ какъ можно больше *свободнаго творчества и инициативы*.

Педагогическая среда должна представлять собой тѣсную семью работниковъ, объединенныхъ *общей любовью* къ своему дѣлу, стремленіемъ сдѣлать изъ него своего рода *художественное творчество*. И, какъ всякій художникъ отражаетъ въ себѣ окружающую жизнь, такъ и педагогъ долженъ отражать въ себѣ новѣйшія теченія педагогической практики, поскольку въ ней проявляются всѣ запросы текущей жизни. Давая полную возможность *индивидуальнаго творчества* педагогическая среда должна являть собою *корпорацию*, построенную по принципу товарищескаго *сотрудничества* болѣе опытныхъ и менѣе опытныхъ, товарищей—педагоговъ. Здѣсь долженъ царить постоянный, живой обмѣнъ опытомъ, наблюденіями, выводами и методами. Словомъ, творчество педагога должно итти и *коллективнымъ* путемъ. Индивидуальное, свободное творчество коллективнаго опыта—вотъ что надо педагогу современной свободной школы.

Всего этого, конечно, мало. Педагогъ болѣе, чѣмъ кто либо, долженъ принимать самое широкое участіе въ общественной дѣятельности *внѣ школы*. Эта дѣятельность необходима, дабы педагогъ не терялъ связи съ запросами жизни и ея требованіями, дабы онъ не замыкался въ тѣсную скорлупу своей профессіи. Именно здѣсь педагогъ и сможетъ найти *противовѣсь* противъ автоматизма, неизмѣнно связаннаго съ этою профессіей. Общественная дѣятельность во многомъ будетъ *смягчать* слѣды этого рокового автоматизма, выравнивая психику педагога цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ запросовъ. Единственное средство противъ притупляющаго автоматизма это—разнообразіе окружающихъ впечатлѣній, смѣна своихъ обычныхъ занятій чѣмъ либо новымъ, интересъ къ предметамъ, выходящимъ изъ круга обыденной дѣятельности и т. д. Все это педагогъ и найдетъ въ общественной дѣятельности *внѣ школы*... Другими словами, педагогъ долженъ стать самымъ активнымъ *гражданиномъ* Свободной Россіи. Вотъ два пути, по

которымъ должны пойти наши педагоги:—свободное творчество и гражданственность. Въ этомъ и только въ этомъ, по моему глубокому убѣжденію, кроется главный источникъ оздоровленія нашей средней школы. Тогда, и только тогда родится духовная близость и связь между дѣтьми и педагогами. Тогда же исчезнетъ въ школѣ безъ слѣда всякая „мертвячина“, исчезнутъ „чеховскіе“ педагоги съ ненормальнымъ автоматизмомъ. На ихъ мѣстѣ появится ваятель, скульпторъ, искусными руками котораго будетъ создано новое красивое подрастающее поколѣніе, вполнѣ достойное великихъ задачъ Свободной Россіи...

Подготовлена ли наша педагогическая среда къ этой роли всѣмъ своимъ *прошлымъ*? Сможетъ ли она *быстро и безболѣзненно* пойти по этому новому пути? Я далеко не увѣренъ въ этомъ. Типъ новаго *независимаго* педагога будетъ нарождаться лишь *постепенно*, и съ процессомъ этого рожденія и будетъ обновляться наша средняя школа. Прошлое слишкомъ сильно тяготитъ надъ нашей педагогической средой, что-бы можно было его легко вычеркнуть и быстро переродиться. Вѣдь, не надо забывать, что наши педагоги до сихъ поръ были главными, если не *единственными проводниками* старой системы временъ Толстого и Кассо. Калѣченіе цѣлыхъ поколѣній нашихъ дѣтей шло исключительно черезъ ихъ руки... Вотъ почему по этому вопросу я не настроенъ оптимистически.

Будемъ надѣяться, что пока учащіеся *сами* своими организаціями будутъ *восполнять* недостатки нашихъ педагоговъ, Въ періоды ломки стараго и творчества новыхъ формъ школьной жизни, эта самостоятельность учащихся крайне желательна. Все это необходимо въ настоящей переходный моментъ, но это не есть разрѣшеніе вопроса о построеніи новой свободной школы. Гегемонія въ этомъ отно-

шені рано или поздно перейдетъ все—таки въ руки педагоговъ. И я закончу свою статью тѣмъ, что составляетъ мое глубочайшее убѣжденіе—*„свободный педагогъ, гражданинъ Свободной Россіи явится творцомъ свободной школы“*..